

10. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. Главы из книги/ Подг. текста и комментарии Е.Дмитриевской, В. Дмитриевского// Новый Мир, 1988, №5,6.

11. Шаляпин Ф.И. Я горд, что я русский. Письмо к дочери 4 октября 1936 года.// Источник. Документы русской истории. 1988, № 4

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ СКАЗКИ

Фролов С. А.

*«Государи мои, люди русские! Какая бы
тень не набежала на вашу жизнь...,
вспомните о русской сказке
и прислушайтесь к ее тихому, древнему, мудрому голосу»*

И.А.Ильин

В современной печати есть разные мнения по поводу русских народных сказок. Одни утверждают, что сказка не несет никакого вреда для детей, другие же считают, что в ней есть и «антивоспитательные» моменты. Подобное мнение высказал психолог Козлов Н. И. в своей книге «Как относиться к себе и людям, или Практическая психология на каждый день» (3), он утверждает то, что герои сказок, как заботливые няни, шаг за шагом не только учат ребенка знакомиться, дружить, мириться и прощать, но тут же грубить, ссориться и убивать. Я в полной мере не могу согласиться с этим мнением.

Наши дети воспитываются сегодня на зарубежных мультфильмах. В сознании взрослых мультфильм – это то, что априори предназначено для детей. Но большая часть этих мультфильмов для наших детей не безвредна. Детский мультфильм должен быть добрым, веселым и поучительным, формирующим основополагающие понятия морали и нравственности. Ряд психологов и авторов книг по психологии утверждают, что улыбка и смех положительно влияют как на психологическое, так и на физическое здоровье. Но что мы видим в большинстве иностранных мультфильмов? Это драки, битвы, погони, превращения в мутантов и чудовищ, кровь, взрывы и прочие «прелести».

О какой здоровой улыбке и смехе может идти речь? Что во всем этом познавательного и поучительного? Такой просмотр может лишь «обогатить» лексику ребенка нецензурными выражениями, развить

такие чувства, как злоба и агрессия. Взрослый, психически здоровый человек – и тот испытает неприязнь от увиденного и услышанного. После такого можно не удивляться появлению боязни темноты, страха оставаться в одиночестве, жестокости в игре и агрессивному поведению в жизни и многим другим «результатам». Как было сказано выше, помимо негативных эмоций, которые изливает на ребенка подобный мультик, кроха бессознательно будет копировать выражения лиц героев, и, чего доброго, решит в игре быть похожим на одного из них, что очень часто и происходит. Чтобы в этом убедиться, достаточно просто внимательно понаблюдать за играющими детьми, например на детской площадке во дворе. В наших отечественных мультфильмах аналогов подобной агрессии и в помине нет. Баба Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч и Волк «отдыхают» по сравнению с зарубежными монстрами-уродами, изображающими не то человека-паука, не то вампира-осьминога со светящимися глазами или властителем загробного мира и рекой тоски, в которой плывут умершие или человечки-уродцы с отсутствием моральных ценностей.

Для их формирования как нельзя лучше подойдут наши старые добрые мультики. Тот же самый, всем известный «Винни-Пух». Даже «Ну, погоди». Веселый мультик, который всегда заканчивается хорошо, а в ребенке, тем временем, формируются сострадание и жалость. Помимо мультфильмов, есть еще наши старые фильмы-сказки. Замечательных детских фильмов множество, но, к сожалению, их очень мало показывают по телевидению по сравнению со злыми зарубежными мультиками и мультсериалами. Детям нравится смотреть мультфильмы, но родители знают: не все то, что нравится детям – полезно.

В современном российском обществе существует острая проблема воспитания подрастающего поколения. В ее решении неоценимым является наследие выдающегося мыслителя, искусствоведа и культуролога И. А. Ильина.

Вот что писал И. А. Ильин о мире сказок. Сотни и тысячи лет этому отстою национального духовного опыта, укрытого и развёрнутого в русских народных сказках. Пусть история нашего народа насчитывает всего одну тысячу лет; но возраст народа не определяется памятью его истории. Ведь это тысячу лет тому назад наш народ опомнился и начал кое-как помнить себя, – опомнился,

приняв христианство и удержав в своей памяти кое-что дохристианское. Но это дохристианское прошлое его, утраченное его памятью, не утратилось в его опыте и в его духе.

Не думайте, что сказка есть детская забава, несерьезное дело для умного человека: взрослый-же выдумывает, маленьким рассказывает... И еще не думайте, что взрослые умны, а дети глупы; и что взрослому надо нарочно «приглупиться» для того, чтобы детям сказку рассказывать... Не обратно ли дело обстоит? Не от «ума» ли добрая половина нашего горя родится? Может быть есть две разные глупости: одна бестолковая, а другая учительная? Одна от праха и грязи, а другая от чернозема? Одна от слепого самодовольства, а другая от испытующего недоумения? Одна глупит от гордости и ведет к пошлости; а другая глупит от смирения и ведет к мудрости... И вот, именно такова народная и особенно русская народная сказка.

Это не летопись, не былина и не бывальщина; не житие и не легенда — это сказка. Никогда и нигде не были и не жили эти царевичи и богатыри, эти серые волки и кощеи, эти Иваны-дураки и кони говорящие, эти Бабы-Яги и Змеи Горынычи. Всего этого не было. И тому, кто присягнул исторической науке, а с наукой духовного опыта порвал; кто поклоняется доказанному факту и разучился созерцать показанное состояние, кто хочет видеть лишь земным, телесным глазом и потому выколол себе духовное око; кто от чрезмерной «умности» заморил в себе «вещую простоту» и «заумную глубину», кто довел свою рассудочную трезвость до того, что утратил способность хмелеть вместе со своим народом на пиру всепреображающего воображения — тому пусть будет народная сказка мертва и пусть она кажется ему глупой... Пусть сказка «глупа». Но в глупости своей она скромна. Но она имеет храбрость быть глупой. И за храбрость ее, — прощается ей ее глупость... И еще прощается ей ее глупость за ее беззаветную доверчивость, за ее искренность. И потому грешно и стыдно говорить о «глупости» народных сказок.

Темы сказок живут в мудрых глубинах человеческого инстинкта, где-то там, в священных подвалах, под семью-десятью железными столбами, где завязаны узлы национального бытия и национального характера и где они ждут разрешения, свершения и свободы. В эти подвалы национального духовного опыта не проникнуть ни гордецу, ни трусу, ни малOVERу, ни криводушному. Но

доверчивый и искренний простец, но скромный и храбрый в своей поэтической серьезности созерцатель — проникают под эти своды и выводят оттуда рой народных сказок, разрешающих, свершительных и освобождающих. Сказка уже есть искусство: ибо она укрывает и являет за словами целый мир образов, а за образами она понимает художественно и символически — глубокие духовные обстоятельства. И не сказка «отжила» свой век, если мы разучились жить ею; а мы исказили свой душевно-духовный склад, и мы выветриваемся и отмираем, если мы потеряли доступ к нашей народной сказке.

О чем спрашивает человек сказку? И что именно она отвечает ему? Спрашивает человек сказку о том, о чем всегда и все люди, от века и до века, будут спрашивать своих родителей, пастырей и Бога; о том, что всем нам важно и необходимо, без чего трудно жизнь прожить и без чего мы все-таки, в труде и страданиях, проживаем ее; и уходим из жизни, многого не поняв и не осмыслив; а под конец жизни вздыхаем... Человек спрашивает сказку, а она отвечает ему — о смысле земной жизни. Но спрашивает он, как существо, еще не узревшее и не постигшее Бога. Спрашивает по-младенчески, беспомощно, недоуменно, коснувшись зла и страха на земле, но не коснувшись или едва коснувшись ризы Божьей; как испугавшееся и задумавшееся дитя спрашивает маму или няню, — с широко раскрытыми глазами, в которых и испуг, и тревога, и любопытство, и благоговение; как если бы ответ был легок и прост; и с тем, чтобы немедленно поверить... А ответ ему дается не из религии, а из дорелигиозной, магической глубины, где инстинкт, художество и опыт жизни скопили некую национальную, но не последнюю, а предпоследнюю суеверно-языческую мудрость... (2)

...Что такое счастье? В богатстве ли оно? Или в любви к свободе? Или, может быть, в доброте и правоте? В жертвенной любви доброго сердца?

...Что такое судьба? Что это значит: умным горе, а дуракам счастье? И какие же это такие — дураки? Может, они вовсе не дураки?

А можно ли жить и прожить кривою на свете? Куда кривда ведет? Не сильнее ли она, не выгоднее ли правды? Или правда лучше и всегда, в конце концов, победит? И в чем же тогда понятная таинственная сила правды? Почему содеянное зло всегда или почти всегда возвращается на голову виновника? А если не всегда, то где же

справедливость? И почему это так бывает, что посеянное добро, хотя бы маленькое семячко добра, расцветает потом на пути посеявшего человека благоуханными цветами — то благодарности и ответного добра, то пожизненной преданности, то прямо спасения от лютой беды? А если не всегда так бывает, то почему? Не правит ли миром некая таинственная благая сила, и каковы законы ее?.. Вот о чем спрашивает человек, и особенно русский человек, свою сказку. И все эти вопросы: о счастье, о судьбе, о правде и зле, о смысле и о путях жизни. И сказка отвечает...

Сказка есть первая, дорегиозная философия народа, его жизненная философия, изложенная в свободных мифических образах и в художественной форме. Эти философские ответы вынашиваются каждым народом самостоятельно, по-своему, в его бессознательной национально-духовной лаборатории. В русских сказках русский народ пытался распутать и развязать узлы своего национального характера, высказать свое национальное мироощущение, наставить своих детей в первобытной, но глубокой жизненной мудрости, — разрешая лежащие на его сердце жизненные, нравственные, семейные, бытовые и государственные вопросы. Сказка — это ответ все испытавшей древности на вопросы вступающей в мир детской души. Здесь русская древность помазует русское младенчество на не испытанную еще трудную жизнь, созерцая из древнего национального лона всегда новые трудности жизненного пути. И благо нам, если мы, сохранив в душе вечного ребенка, умеем и спрашивать, и выслушивать голос нашей сказки... Все люди делятся на живущих со сказкой и живущих без сказки. Люди, живущие со сказкой, имеют дар и счастье по-младенчески вопрошать свой народ о первой и последней жизненной мудрости и по-младенчески внимать ответам его первозданной доисторической философии. Такие люди живут «в ладу» со своею национальною сказкою (2).

А сказки русские — просты и глубоки, как сама русская душа. Они всегда юны и наивны как дитя; и всегда древни и мудры, как прабабушка; — как спрашивающее дитя и как отвечающая старушка; оба — созерцающие младенцы.

В заключение мне хочется отметить то, что работа Ильина И. А. «Духовный смысл сказки» показывает современному русскому народу на то, каким богатейшим, уникальным наследием мы владеем. Сказка — это подлинная духовная «энциклопедия» русского народа.

Работа написана ясным, образным языком. Взгляды и размышления И. Ильина и по сей день носят актуальный характер. Я считаю, что современным психологам, педагогам, философам, ученым, а также студентам, родителям следует обращаться к его бесценному наследию.

Литература

1. Ильин И. А. О России и русской душе // Собр. соч. в 10 т.; Т. VI, кн. 3.
2. Ильин И. А. Духовный смысл русской сказки // Одинокий художник. – М.: Искусство, 1993.
3. Козлов Н. И. Как относиться к себе и людям, или Практическая психология на каждый день. 4-е изд., перераб. и доп. – М: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002.

ТВОРЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИДЕАЛОВ АНТИЧНОЙ ГАРМОНИИ В АРХИТЕКТУРЕ РУССКОГО КЛАССИЦИЗМА

Щербакова В. Б.

В 1760-х годах в России произошла смена архитектурно-художественного стиля. Декоративное барокко, достигшее своего апогея в творчестве величайшего представителя этого направления – зодчего Ф. Б. Растрелли, уступило место классицизму, быстро утвердившемуся в Петербурге и Москве, а затем распространившемуся по всей России.

Классицизм – это целостное художественное направление, в том числе в архитектуре, в основе которого лежит культ разума и идеального порядка и источником которого является античное наследие. «Великолепие» не уходит из числа эстетических критериев оценки архитектуры, но рядом возникает другой, не менее значимый критерий – «благородная простота».

Классицизм (от лат.classicus – образцовый) – художественный стиль в искусстве, развивавшийся путем творческого заимствования форм, композиций и образцов искусства античного мира и эпохи итальянского Возрождения. Искусство классицизма отражало идеи гармонического устройства общества, но во многом их утрачивало по сравнению с культурой Возрождения. Конфликты личности и общества, идеала и реальности, чувства и разума свидетельствуют о